

Марина Федагина

***Четвертая
в роду***

Марина Федагина
Четвёртая в роду

«Автор»

2026

Федагина М. А.

Четвёртая в роду / М. А. Федагина — «Автор», 2026

Ольга — учитель химии. Она верит в науку, а не в проклятия. Но когда на её теле появляется родовой знак, а в сундуке она находит камни, хранящие память поколений, приходится выбирать: бежать от правды или встретиться с ней лицом к лицу. Четыре женщины. Четыре судьбы. Одно проклятие, которое длится сто лет. Чтобы разорвать цепь, Ольга должна найти не магию. А прощение. «Четвёртая в роду» — история о том, как боль передаётся из поколения в поколение. И как её можно остановить.

© Федагина М. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Коробка с эклерами.	5
Глава 2. Чужая кухня.	8
Глава 3. Бабушкины пироги.	10
Глава 4. Уроки выживания.	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Марина Федагина

Четвёртая в роду

Глава 1. Коробка с эклерами.

Казань в мае две тысячи второго года напоминала раскаленную сковородку, накрытую прозрачным куполом. Воздух дрожал над асфальтом улицы Баумана, пах пылью, выхлопными газами и сладким, дурманящим запахом цветущей сирени.

Ольга шла медленно, прижимая к груди картонную коробку. Внутри постукивали эклеры – свежесваренные, с глянцевой глазурью, которую она так любила. Она только что вышла из педагогического, сессия была закрыта, впереди маячило лето, диплом и вся жизнь, которая казалась ей четко расчерченной линией в тетради в клетку.

Она представляла, как войдет в квартиру. Кирилл уже дома, сидит за своим компьютером, может быть, пьет чай. Она поставит коробку на стол, чмокнет его в щеку и скажет, что сегодня наконец-то свободна. Они обсудят свадьбу. Осень – самое время. Она уже видела себя в платье, видела школу, куда устроится учителем химии, видела их совместные вечера в этой большой квартире с высокими книжными шкапами.

Дом на улице Маяковского возвышался над улицей девятью этажами серого кирпича. Для Казани начала восьмидесятых это было элитное жильё. Ольга кивнула консьержке, сидевшей у входа в глубоком кресле. Женщина лет шестидесяти, с узлом седых волос на затылке, посмотрела на Ольгу не как обычно – приветливо, а как-то сбоку. Ухмыльнулась. Ольге показалось, или в этом движении было что-то неприятное, словно она знала новость, которую еще не сообщили.

Лифт работал бесшумно. Ольга достала ключи. Металл был теплым от руки. Она вставила ключ в скважину привычным движением хозяйки. Полгода жизни здесь приучили её чувствовать себя частью этого пространства, хотя иногда, среди старинной мебели и запахов старой бумаги, её не покидало ощущение, что она живет в музее, где ей разрешили ночевать.

В прихожей было тихо. Ольга сняла туфли, поставила коробку с эклерами на тумбочку у зеркала, повесила сумку на вешалку. Ключи от квартиры она переложила в свою сумку – так привычнее, чтобы не потерять.

Из кухни доносились звуки. Стук ножа о доску, шипение масла. Пахло жареным мясом – тяжело и сытно для такого жаркого дня.

Ольга прошла по коридору. Дверь на кухню была приоткрыта. Она толкнула её плечом.

За столом стояла Валентина Павловна, мать Кирилла. Она была в строгом темно-синем платье, волосы собраны в ракушку. На столе уже стояли приборы, но не два, а много. Хрусталь, салфетки, бутылка вина.

– Оля, – сказала Валентина Павловна, не оборачиваясь сразу. Она повернулась лишь через секунду, вытирая руки полотенцем. Лицо её было спокойным, почти каменным. – Ты вовремя. Хотя нет, не совсем.

Ольга моргнула.

– Здравствуйте, Валентина Павловна. Я думала, Кирилл дома. Мы хотели...

– Кирилл в университете, – перебила её женщина. – Оформляет документы. Он уезжает, Оля.

Ольга почувствовала, как под ложечкой становится холодно, несмотря на майскую жару за окном.

– Уезжает? В командировку?

– В Германию. На пять лет. Контракт с фирмой медицинского оборудования. Это огромный шанс для него. Для науки.

Валентина Павловна говорила ровным голосом, каким обычно сообщают расписание поездов. В её интонации не было извинения. Не было даже намёка на то, что эта новость может разрушить чьи-то планы.

– А... а я? – спросила Ольга. Голос предательски дрогнул. – Мы же планировали...

Валентина Павловна вздохнула, словно объясняла ребёнку очевидную вещь.

– Оля, ты же понимаешь. Там работа. Условия сложные. Ему нужно сосредоточиться. Мы решили не беспокоить тебя заранее, чтобы не портить тебе защиту диплома. Ты еще молодая, погуляешь с подругами, отдохнешь этим летом.

«Мы решили». Не «Кирилл решил». Не «Мы с Кириллом». «Мы». Мать и сын. Или просто мать, решающая за сына.

– А где Кирилл? – повторила Ольга. – Я хочу поговорить с ним.

– Он вернется вечером. У нас гости, коллеги. Будут отмечать контракт. Тебе лучше не оставаться. Это будет деловой ужин.

Ольга посмотрела на накрытый стол. На лишние приборы. На то, как идеально ровно лежат вилки. Здесь не было места для неё. Она была лишним элементом в этой формуле, который просто забыли вычесть.

– Понятно, – сказала Ольга.

Она развернулась. Ноги сами понесли её обратно в прихожую. Она взяла сумку с вешалки. Пальцы скользнули по тумбочке, коснулись картонной коробки. Эклеры. Она забыла о них. Коробка так и осталась стоять на полированной поверхности, белая с золотой надписью кондитерской.

Ольга вышла из квартиры. Дверь за спиной шелкнула замком. Она не оставила ключи на столе. Она просто убрала их в сумку, механически, словно это был просто кусок металла, а не право входа в чужую жизнь.

В подъезде было тихо. Консьержка все так же сидела в кресле. Когда Ольга прошла мимо, женщина даже не подняла глаз, делая вид, что вяжет.

На улице жара усилилась. Ольга спустилась к остановке. Автобус в Ново-Савиновский район подошел быстро. Она села у окна, прижала сумку к коленям. Город плыл мимо: витрины, лица людей, зеленые кроны деревьев. Всё было как всегда, кроме неё. Внутри росло ощущение пустоты, словно кто-то выкачал воздух из легких.

Родительская квартира встретила её запахом котлет и пыли. Это был обычный девятиэтажный дом, типовой, без претензий на элитное жилье. Дверь открыла мать, Надежда. Она посмотрела на дочь, на её бледное лицо, на сумку, сжатую в руках, и всё поняла без слов.

– Проходи, – тихо сказала мать. – Я уже чай поставила.

На кухне тикали часы. Брат Дима, должно быть, был у себя в комнате, дверь была закрыта. Ольга села на стул, тот самый, на котором сидела еще школьницей.

– Он уезжает, мам, – сказала Ольга. Голос звучал глухо. – В Германию. На пять лет.

Надежда налила чай в гранёный стакан с подстаканником. Руки у неё не дрожали.

– Садись, Оля. Возвращайся домой. Здесь ты нужна.

Ольга посмотрела на мать. В её глазах не было удивления. Было что-то другое. Сожаление? Или знание? Будто она ждала этого звонка, этого приезда, этого момента всю жизнь.

– Я думала, всё иначе, – прошептала Ольга.

– Жизнь редко идет по плану, – ответила мать. – Ешь пирог.

Ольга посмотрела на кусок домашнего пирога на тарелке. Потом опустила взгляд в свою сумку, где тихо лежали ключи от квартиры на Маяковского. Они больше не открывали ничего.

Только эту дверь. Только это прошлое, которое закончилось сегодня, в майский вечер, когда она забыла на тумбочке коробку с эклерами.

Глава 2. Чужая кухня.

Утро в родительской квартире наступило слишком рано. Солнце било прямо в глаза, пробиваясь сквозь старые тюлевые занавески, которые мать стирала каждый месяц. Ольга проснулась с тяжелым ощущением в груди, будто за ночь она проглотила камень. Комната, в которой она выросла, казалась уменьшившейся: шкаф, письменный стол с лампой под зеленым абажуром, кровать, застеленная одеялом. Всё было знакомым, безопасным и одновременно чужим. Она не была здесь хозяйкой уже полгода.

На кухне тихо звякнула ложка о чашку. Мать сидела у стола и пила чай. Она не спросила «Как спала?». Она просто кивнула на стул и подвинула тарелку с омлетом.

– Ешь, – сказала мать. Голос был ровным, без сочувствия, которое иногда ранит больше равнодушия. – Силы нужны.

Ольга механически поела. В голове крутилась одна мысль: «Это недоразумение». Вчера был шок, сумбур, Валентина Павловна, говорящая как робот. Но Кирилл... Кирилл не мог так просто исчезнуть. Они же любили друг друга. Он просто испугался, растерялся перед отъездом, мама надавила. Они взрослые люди. Они смогут договориться. Германия – это не навсегда. Пять лет – много, но если любить, можно подождать. Она доучится пятый курс, получит диплом, а потом... Потом можно будет приехать к нему. Или он вернется.

– Я пойду, – сказала Ольга, вставая из-за стола.

– Куда? – мать подняла глаза. В её взгляде мелькнуло что-то похожее на страх.

– К нему. Надо поговорить.

Надежда ничего не ответила. Только тихо вздохнула и отвернулась к окну, глядя на двор, где уже бегали школьники.

Дом на улице Маяковского встречал её прежним величием. Девять этажей серого кирпича, широкие подъездные двери. Консьержка, тетя Валя, сидела на своем месте. Когда Ольга прошла мимо, женщина не стала делать вид, что вяжет. Она смотрела прямо, и в её глазах Ольга прочитала то же самое, что и вчера. Она знала, что произошло. Возможно, Валентина Павловна предупредила её ещё вчера: «Если придет эта, скажи, Кирилла нет».

Ольга поднялась на лифте. Дверь квартиры встретила её холодным молчанием. Она достала ключ из сумки. Металл был тяжелым. Вставила в скважину. Щелчок замка прозвучал слишком громко в тишине подъезда.

В прихожей пахло иначе. Вчерашний запах жареного мяса выветрился, сменился запахом пустоты и чуть кисловатым душком оставленной еды. И тут она увидела их.

Коробка с эклерами стояла на тумбочке ровно там, где она её оставила. За сутки картон немного размок от крема, угол коробки завернулся. Ольга смотрела на неё и не могла пошевелиться. Это было вещественное доказательство её вчерашней надежды, которая теперь превратилась в мусор. Она не взяла коробку, чтобы выбросить. Просто прошла дальше.

В квартире был беспорядок. В гостиной на полу лежали листы бумаги. Кирилл искал документы. Какие-то распечатки, копии диплома, контракт. Они валялись вперемешку с книгами. Ольга присела на корточки, хотела собрать, но рука замерла. Это не её дело. Она здесь больше не хозяйка.

Она прошла на кухню. Раковина была полной. Тарелка с засохшими остатками яичницы, вилка, кружка с налетом кофе, кастрюля. Он позавтракал. Перед самым уходом. И не помыл за собой.

Полгода они жили здесь вместе. Полгода Ольга приходила после института и готовила ужин. Полгода она мыла эту посуду, протирала стол, следила, чтобы у Кирилла были чистые

рубашки. После смерти бабушки он совсем перестал замечать быт, а Ольга взяла всё на себя, считая это частью их будущего.

Ольга открыла кран. Вода шумно ударилась о посуду. Она взяла губку, выдавила немного моющего средства. Руки двигались сами. Она терла тарелку, смывала жир, ставила на сушилку. Потом вилку. Потом кружку. Она мыла посуду человека, который бросил её, не сказав ни слова. Она делала это не потому, что хотела ему угодить. Она делала это, потому что не знала, как остановить руки. Если она остановится, ей придется думать. А думать было нельзя.

Когда последняя тарелка оказалась на месте, Ольга вытерла руки полотенцем. Оно пахло его одеколоном.

– Кирилл? – позвала она тихо. Голос повис в воздухе.

Она обошла квартиру. Спальня. Кровать не заправлена. На подушке вмятина от его головы. На прикроватной тумбочке – пустое место. Там раньше лежали часы. Теперь только след от пыли в форме прямоугольника.

Она искала записку. На столе в кабинете. На холодильнике, где они иногда крепили списки покупок магнитом. В прихожей, на тумбочке, рядом с коробкой эклеров. Ничего. Ни «Прости». Ни «Позвони». Ни «До свидания».

Ольга полезла в сумку и достала телефон. Она нажала кнопку меню. Нет новых сообщений. Нет пропущенных вызовов. Экран подсветился зеленым светом, равнодушным и холодным. Со вчерашнего вечера тишина. Он не позвонил. Он не написал. Он даже не удостоил её возможности услышать его голос. Для него она исчезла ещё вчера, когда осталась на кухне с его матерью.

Ольга прошла в спальню и села на край кровати. Пружинистый матрас чуть прогнулся. В комнате было тихо. Слишком тихо. Не было звука его клавиатуры, не было шагов, не было дыхания.

Она обвела взглядом комнату. Книжные шкафы, набитые томами по программированию и математике. Старинное кресло, в котором любила сидеть его бабушка. Фотография на комод в деревянной рамке. Кирилл в черном костюме с лентой выпускника, рядом – пожилая женщина в строгом платье. Бабушка. Она улыбалась мягко, прищурившись.

Ольга смотрела на фотографию и чувствовала, как внутри нарастает холод. Она вспомнила, как полгода назад, после похорон, Кирилл сказал: «Переезжай ко мне. Мне будет тяжело одному». Она тогда подумала, что он нуждается в ней. В её поддержке. В её любви. А теперь, стоя в этой тишине, она понимала. Ему нужна была не она. Ему нужна была та, кто будет мыть посуду. Та, кто будет ждать. Та, кто займет место хранительницы этого дома, которое освободилось после смерти бабушки.

Он не звал её в Германию, потому что туда он ехал строить карьеру. А сюда, в эту квартиру, он позвал её с одной лишь функцией. И функция была выполнена.

Ольга легла на кровать поверх одеяла. Потолок был высоким, с лепниной. Узор напоминал переплетение корней. Она закрыла глаза. Ей нужно было понять, когда всё началось. Когда она перестала быть девушкой, которую любят, и стала тем, кто удобно стоит рядом.

В памяти всплыло лицо Кирилла. Не холодное и отстраненное. А другое. Первое. Два года назад. Школа. Шумный коридор...

Ольга перевернулась на бок, подтянула колени к груди. Ей нужно было вспомнить. Вспомнить всё, чтобы понять, где она ошиблась. Тишина квартиры обступила её со всех сторон, но внутри уже начинал рождаться новый звук – тихий, нарастающий гул воспоминаний, которые требовали выхода.

Глава 3. Бабушкины пироги.

Ольга лежала на кровати, глядя в потолок, и позволяла памяти разматывать клубок назад, туда, где всё ещё имело смысл.

2000 год. Май.

В школе пахло мелом, старой штукатуркой и тревожным ожиданием конца учебного года. Ольга, тогда еще второкурсница педагогического института, стояла в приемной директора. На ней было простое голубое платье, которое она гладила утюгом дважды, чтобы выглядеть серьезнее. В руках она сжимала папку с документами о практике.

Дверь кабинета была приоткрыта. Изнутри доносился голос дяди Кириллы, Николая Егоровича. Он говорил громко, уверенно, как человек, привыкший управлять сотнями людей.

– Николай Егорович, компьютеры привезли, – раздался другой голос. Мужской, низкий, слегка раздраженный.

Ольга выглянула в коридор. Навстречу ей шел парень в джинсах и рубашке, закатанной до локтей. В руках он держал системный блок. Увидев Ольгу у входа в кабинет, он остановился. Взгляд скользнул по её платью, по папке в руках, задержался на лице.

– Ты секретарша? – спросил он без приветствия. – Ключи от кабинета информатики у тебя? Директор сказал, ты передашь.

Ольга моргнула. Рот слегка приоткрылся, но слова застряли.

– Я... студентка. Практикантка.

Парень нахмурился.

– Где секретарь? Мне нужно установить оборудование до вечера. Некогда ждать.

– Мария Ивановна ушла на обед, – тихо сказала Ольга. – А ключи у завхоза.

Он вздохнул, поставил системный блок на пол и потер переносицу. В этом движении было столько усталой взрослости, что Ольга почувствовала себя виноватой без причины.

– Ладно, – сказал он. – Я Кирилл. Племянник директора. Извини, принял за сотрудницу.

– Ольга, – ответила она.

Позже, когда они всё-таки нашли завхоза и открыли кабинет, он предложил ей кофе. Они сидели на подоконнике в учительской, болтали ногами в воздухе, как школьники. Он говорил о программировании, о том, как устроены системы, о логике, которая правит миром. Ольга слушала, затаив дыхание. Он казался ей существом с другой планеты – умным, взрослым, знающим, куда идти.

В тот вечер он проводил её до дома. Они гуляли по набережной Казанки, смотрели на огни Кремля. Он не пытался поцеловать её. Просто сказал: «Ты интересная, Оля, не такая, как все». Для девушки, которая всю жизнь чувствовала себя серой мышкой, эти слова стали приговором и надеждой одновременно.

Первый визит.

Через пару месяцев он позвонил ей после пар.

– Забыл документы, – сказал он. – Мне нужно заехать домой, взять копию диплома для аспирантуры. Составь компанию, а то я один засну за рулем.

Она согласилась, не раздумывая.

Квартира на Маяковского поразила её. Высокие потолки, книги от пола до потолка в резном шкафу, запах старого дерева и каких-то трав. На пороге их встретила женщина. Седая, стройная, в строгом домашнем платье.

– Кирилл, ты рано, – сказала она мягко. Потом перевела взгляд на Ольгу. – А это кто же?

– Это Ольга, бабуль. Моя девушка.

Бабушка улыбнулась. В её улыбке не было оценивающей холодности, только тепло.

– Очень приятно, Оленька. Проходите. Я как раз пироги вынула. С капустой.

За чаем Ольга узнала, что бабушка, Елена Викторовна, преподавала в медицинском институте фармакогнозию. Она говорила о растениях так, словно они были живыми существами.

Ольга смотрела на неё и думала: «Вот какой должна быть женщина. Мудрой, спокойной, хозяйственной».

Родителей Кирилла не было. Они были где-то в экспедиции, как всегда. Бабушка объяснила тихо, чтобы не расстраивать внука: «Опять уехали. На Север. У них работа такая».

Кирилл сидел рядом, молчал, ел пирог. Он казался ребенком рядом с этой женщиной. И Ольга поняла, что влюбилась не только в него. Она влюбилась в этот дом. В это ощущение принадлежности к чему-то большому, умному, устойчивому.

Подмена.

Потом были месяцы встреч. Потом – смерть бабушки. Ноябрь 2001 года. Холодный ветер, черные венки, тихий голос священника.

Кирилл сломался. Не показал этого никому, но Ольга видела. Он ходил по квартире как тень. И тогда она предложила:

– Переезжай ко мне. Нет, то есть... Я перееду к тебе. Тебе нельзя одному.

Он согласился сразу. Без колебаний.

Ольга думала, что спасает его. Что они создают новую семью. Она начала вести быт так, как видела у бабушки. Пекла пироги (рецепт брала у соседки, потому что бабушка не успела записать). Расставляла книги по тем же местам. Варила кофе по утрам.

Кирилл принимал это как должное. Он даже не благодарил. Он просто стал снова улыбаться, снова работать. Для него Ольга стала продолжением бабушки. Функцией. Обеспечением комфорта.

– Когда свадьба? – спрашивала она иногда, робко касаясь его руки.

– После защиты, – отвечал он, не отрываясь от экрана. – Сначала нужно встать на ноги. Ты же понимаешь.

Она понимала. Она ждала. Она мыла посуду. Она гладила рубашки. Она стала невидимой.

Настоящее время.

Ольга открыла глаза. Потолок всё так же нависал над ней. Лепнина в виде корней теперь казалась ей петлями.

Она села. Тело затекло. В квартире было всё так же тихо, но внутри неё что-то щелкнуло. Как перегоревшая нить в лампочке.

Она поняла главную вещь. Кирилл не любил её. Он любил заботу. Он любил тишину. Он любил, чтобы рядом была женщина, которая не требует, а дает. Бабушка давала ему жизнь. Ольга давала ему быт. Разницы для него не было.

Ольга встала. Ноги были ватными. Она прошла в прихожую. Коробка с эклерами всё ещё стояла на тумбочке. Теперь она выглядела жалко.

Ольга взяла свою сумку. Затем полезла внутрь и достала ключи. Металл был холодным. Она смотрела на них долго, словно видела впервые. Эти ключи открывали дверь в чужую жизнь. В жизнь, где она была лишь временным жильцом.

Она положила ключи на тумбочку рядом с коробкой эклеров.

– Прощай, – сказала она вслух. Голос не дрогнул.

Ольга вышла из квартиры. Дверь захлопнулась плотно. В подъезде было прохладно. Консержка, тетя Валя, подняла глаза, когда Ольга проходила мимо. В её взгляде не было жалости. Было понимание. Она кивнула, чуть заметно.

Ольга вышла на улицу. Майское солнце ударило в лицо, ослепляющее, жаркое. Город жил своей жизнью. Где-то ехали трамваи, кто-то смеялся, кто-то спешил на работу.

Ольга глубоко вдохнула. В воздухе летал тополиный пух. В кармане вибрировал телефон. Она достала его. Одно новое сообщение. От мамы: «Ты дома?».

Ольга нажала «Нет». Потом добавила: «Буду вечером».

Она не пойдет к родителям сразу. Ей нужно побыть одной. Нужно понять, как жить дальше. Пятый курс. Диплом. Школа. Жизнь, которую она планировала, рухнула. Но она стояла. Ноги держали.

Ольга пошла вдоль улицы Маяковского, не разбирая дороги. Впереди был длинный путь. Пять лет одиночества, которые приведут её к тридцати годам. К письму. К тайге. Но пока она этого не знала. Пока она просто шла вперед, оставляя за спиной квартиру, где умерла её любовь.

Глава 4. Уроки выживания.

Лето две тысячи второго года выдалось жарким, но Ольга почти не чувствовала солнца. Она сидела за письменным столом в своей детской комнате, разложив перед собой учебники по химии. Мама хлопотала на кухне, периодически заглядывая к ней с тревожным взглядом.

– Я договорилась с соседями, – сказала Надежда, вытирая руки о передник. – У их сына двойка за год. Попросили позаниматься. Ты же не хочешь все лето просто так сидеть?

Ольга кивнула. Ей нужно было движение. Нужно было чувствовать себя нужной. После того утра на квартире Кирилла прошло две недели, но тишина в телефоне звучала пронзительнее любого шума. Она согласилась на репетиторство. Это стало её спасательным кругом.

Школьники приходили разные. Кто-то боялся химии, кто-то просто хотел получить хорошую оценку. Ольга объясняла терпеливо, рисовала формулы, показывала опыты на кухне, используя уксус и соду. Когда ученики уходили с пониманием в глазах, она на несколько часов забывала о боли в груди. Мама видела это и старалась находить всё новых учеников. Это было лучшее лекарство, которое она могла предложить дочери.

Осенью начался пятый курс. Он дался Ольге тяжелее всех предыдущих. Она писала диплом механически, словно отбывала повинность. Подруги щебетали о свадьбах, о планах, о том, кто куда устроится. Ольга молчала. Её план рухнул в мае, и она не знала, как собрать осколки.

Она мечтала о химико-биологическом лицее. Это была школа с именем, с традициями, где учителя носили белые халаты и чувствовали себя учёными. Она отправила резюме, прошла собеседование. Директор, сухая женщина в очках, посмотрела на её диплом с отличием и кивнула:

– Мы подумаем.

Ольга ждала неделю. Потом вторую. Когда она позвонила сама, ей ответили коротко:

– Мест нет. Возможно, в следующем году.

«В следующем году» никогда не наступило. Позже она узнала от знакомых, что место отдали племяннице министра образования.

Устраиваться было нужно срочно. Диплом лежал на столе, словно обвинение. Мама снова пришла на помощь:

– В школе рядом с домом есть вакансия. Устройся, а там видно будет.

Школа оказалась старым кирпичным зданием в спальном районе. Внутри пахло сыростью, дешевой краской и бедностью. Директор, грузный мужчина с уставшим лицом, принял её без лишних вопросов.

– Химик нужен, – сказал он. – Вот ваши классы. Восьмые «Б» и «В». И классное руководство в восьмом «Б».

Ольга хотела возразить. Восьмые классы считались самыми трудными. Переходный возраст, гормоны, проверка учителей на прочность. Но она промолчала. Ей нужна была работа.

Первые месяцы стали шоком. Ольга приходила в класс, а там шум. Кто-то жевал жвачку, кто-то списывал домашку у соседа, кто-то смотрел в окно с откровенной скукой. Она пыталась увлечь их, рассказывала о Менделееве, о свойствах веществ, но натыкалась на стену равнодушия.

Её завалили бумажной работой. Планы, отчеты, журналы, проверки. Она оставалась в школе до вечера, заполняя бумаги. Расписание составили так, будто специально хотели её измотать. Между уроками у неё было по два-три «окна». Сидеть в учительской было невыносимо – постоянные разговоры о деньгах, о начальстве, о болезнях. Ольга уходила в пустой класс и сидела там, глядя в одну точку.

Училась школа в две смены. Иногда она заканчивала только к семи вечера. Домой возвращалась без сил. Ужин в тарелке остывал. Мама спрашивала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.